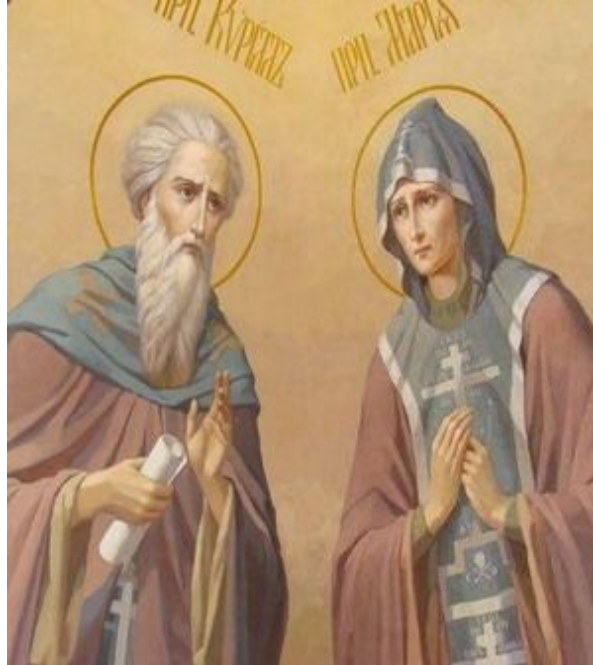

Преподобный Сергей Радонежский

По древнему преданию, имение родителей Сергия Радонежского, бояр Ростовских Кирилла и Марии, находилось в окрестностях Ростова Великого, по дороге в Ярославль. Родители, «бояре знатные», по-видимому, жили просто, были люди тихие, спокойные, с крепким и серьезным складом жизни.

Св.прп. Кирилл и Мария. Роспись Вознесенского храма на Гродке (Павлов-Посад)

Хотя Кирилл не раз сопровождал в Орду князей Ростовских, как доверенное, близкое лицо, однако сам жил небогато. Ни о какой роскоши, распушенности позднейшего помещика и говорить нельзя. Скорей напротив, можно думать, что домашний быт ближе к крестьянскому: мальчиком Сергия (а тогда — Варфоломея) посылали за лошадьми в поле. Значит, он умел и спутать их, и оборотать. И подведя к какому-нибудь пню, ухватив за челку, вспрыгнуть, с торжеством рысцою гнать домой. Быть может, он гонял их и в ночное. И, конечно, не был барчуком.

Родителей можно представить себе людьми почтенными и справедливыми, религиозными в высокой степени. Помогали бедным и охотно принимали странников.

3 мая у Марии родился сын. Священник дал ему имя Варфоломея, по дню празднования этого святого. Особенный оттенок, отличающий его, лежит на ребенке с самого раннего детства.

Семи лет Варфоломея отдали учиться грамоте, в церковную

школу, вместе с братом Стефаном. Стефан учился хорошо. Варфоломею же наука не давалась. Как и позже Сергей, маленький Варфоломей очень упорен и старается, но нет успеха. Он огорчен. Учитель иногда его наказывает. Товарищи смеются и родители усовещивают. Варфоломей плачет одиноко, но вперед не двигается.

И вот, деревенская картинка, так близкая и так понятная через шестьсот лет! Забрили куда-то жеребята и пропали. Отец послал Варфоломея их разыскивать, наверно, мальчик уж не раз бродил так, по полям, в лесу, быть может, у побережья озера ростовского и кликал их, похлопывал бичом, волочил недоузки. При всей любви Варфоломея к одиночеству, природе и при всей его мечтательности он, конечно, добросовестнейше исполнял всякое дело — этою чертой отмечена вся его жизнь.

Теперь он — очень удрученный неудачами — нашел не то, чего искал. Под дубом встретил «старца черноризца, саном пресвитера». Очевидно, старец его понял.

— Что тебе надо, мальчик?

Варфоломей сквозь слезы рассказал об огорчениях своих и просил молиться, чтобы Бог помог ему одолеть грамоту.

Видение отроку Варфоломею. Нестеров М.В.

И под тем же дубом стал старец на молитву. Рядом с ним Варфоломей — через плечо недоуздки. Окончив, незнакомец вынул из-за пазухи ковчежец, взял частицу просфоры, благословил ею Варфоломея и велел съесть.

— Это дается тебе в знак благодати и для разумения Священного Писания. Отныне овладеешь грамотою лучше братьев и товарищей.

О чем они беседовали дальше, мы не знаем. Но Варфоломей пригласил старца домой. Родители приняли его хорошо, как и обычно странников. Старец позвал мальчика в моленную и велел читать псалмы. Ребенок отговаривался неумением. Но посетитель сам дал книгу, повторивши приказание.

Тогда Варфоломей начал читать, и все были поражены, как он читает хорошо.

А гостя накормили, за обедом рассказали и о знамениях над сыном. Старец снова подтвердил, что теперь Варфоломей хорошо станет понимать Св. Писание и одолеет чтение.

[После смерти родителей Варфоломей сам отправился в Хотьково-Покровский монастырь, где уже иночествовал его овдовевший брат Стефан. Стремясь к «строжайшему монашеству», к пустынножитию, он оставался здесь недолго и, убедив Стефана, вместе с ним основал пустынь на берегу реки Кончуры, на холме Маковец посреди глухого Радонежского бора, где и построил (около 1335 года) небольшую деревянную церковь во имя Святой Троицы, на месте которой стоит теперь соборный храм также во имя Святой Троицы.

Не выдержав слишком сурового и аскетичного образа жизни, Стефан вскоре уехал в московский Богоявленский монастырь, где позднее стал игуменом. Варфоломей, оставшись в полном одиночестве, призвал некоего игумена Митрофана и принял от него постриг под именем Сергия, так как в тот день праздновалась память мучеников: Сергия и Вакха. Ему было 23 года.]

Преподобный Сергей Радонежский. Нестеров М.В.

Совершив обряд пострижения, Митрофан приобщил Сергия св. Тайн. Сергей же семь дней не выходя провел в «церквице» своей, молился, ничего не «вкушал», кроме просфоры, которую давал Митрофан. А когда пришло время Митрофану уходить, просил его благословения на жизнь пустынную. Игумен поддержал его и успокоил, сколько мог. И молодой монах один остался среди сумрачных своих лесов. Возникали пред ним образы зверей и мерзких гадов. Бросались на него со свистом, скрежетом зубов. Однажды ночью, по рассказу преподобного, когда в «церквице» своей он «пел утреню», чрез стену вдруг вошел сам сатана, с ним целый «полк бесовский». Они гнали его прочь, грозили, наступали. Он молился. («Да воскреснет Бог, и да расточатся врази Его...») Бесы исчезли.

Выдержит ли в грозном лесу, в убогой келий? Страшны, наверно, были осени и зимние метели на его Маковице! Ведь Стефан не выдержал же. Но не таков Сергей. Он упорен, терпелив, и он «боголюбив».

Так прожил он, в полном одиночестве, некоторое время. Сергей увидел раз у келий огромного медведя, слабого от голода. И пожалел. Принес из келии краюшку хлеба, подал — с детских ведь лет был, как родители, «странноприимен». Мохнатый странник мирно съел. Потом стал навещать его. Сергей подавал всегда. И медведь сделался ручным.

Юность Преподобного Сергия. Нестеров М.В.

Но сколь ни одинок был преподобный в это время, слухи о его пустынничестве шли. И вот стали являться люди, прося взять к себе, спасаться вместе. Сергий отговаривал. Указывал на трудность жизни, на лишения, с ней связанные. Жив еще был для него пример Стефана. Все-таки — уступил. И принял нескольких...

Построили двенадцать келий. Обнесли тыном для защиты от зверей. Келии стояли под огромными соснами, елями. Торчали пни только что срубленных деревьев. Между ними разводила братия свой скромный огород. Жили тихо и сурово.

Сергий подавал во всем пример. Сам рубил келии, таскал бревна, носил воду в двух водоносах в гору, молол ручными жерновами, пек хлебы, варил пищу, кроил и шил одежду. И наверно, плотничал теперь уже отлично. Летом и зимой ходил

в той же одежде, ни мороз его не брал, ни зной. Телесно, несмотря на скудную пищу, был очень крепок, «имел силу противу двух человек». Был первым и на службах.

Труды преподобного Сергия. Нестеров М.В.
Так шли годы. Община жила неоспоримо под началом Сергия. Монастырь рос, сложнел и должен был оформиться. Братия желала, чтобы Сергей стал игуменом. А он отказывался. — Желание игуменства, — говорил, — есть начало и корень властолюбия. Но братия настаивала. Несколько раз «приступали» к нему старцы, уговаривали, убеждали. Сергей сам ведь основал пустынь, сам построил церковь; кому же и быть игуменом, совершать литургию. Настояния переходили чуть не в угрозы: братия заявляла, что,

если не будет игумена, все разойдутся. Тогда Сергей, проводя обычное свое чувство меры, уступил, но тоже относительно. — Желаю,— сказал, — лучше учиться, нежели учить; лучше повиноваться, нежели начальствовать; но боюсь суда Божия; не знаю, что угодно Богу; святая воля Господа да будет! И он решил не прекословить — перенести дело на усмотрение церковной власти.

Митрополита Алексия в то время не было в Москве. Сергей с двумя старейшими из братии пешком отправился к его заместителю, епископу Афанасию, в Переславль-Залесский. Сергей возвратился, с ясным поручением от Церкви— воспитывать, вести пустынную свою семью. Он этим занялся. Но собственную жизнь, в игуменстве, не изменил нисколько: сам свечи скатывал, варил кутью, готовил просфоры, размалывал для них пшеницу.

В пятидесятых годах к нему пришел архимандрит Симон из Смоленской области, прослышав о его святой жизни. Симон — первый принес в монастырь и средства. Они позволили построить новую, более обширную церковь Св. Троицы. С этих пор стало расти число послушников. Келии принялись ставить в некотором порядке. Деятельность Сергея ширилась. Сергей постригал не сразу. Наблюдал, изучал пристально душевное развитие прибывшего.

Несмотря на постройку новой церкви, на увеличение числа монахов, монастырь все строг и беден. Каждый существует собственными силами, нет общей трапезы, кладовых, амбаров. Было положено, что у себя в келии инок проводит время или за молитвой, или за размышлением о своих грехах, проверкой поведения, или за чтением св. книг, переписыванием их, иконописью — но никак не в разговорах. Трудолюбие мальчика и юноши Варфоломея оставалось неизменным и в игумене. По известному завету ап. Павла, он требовал от иноков труда и запрещал им выходить за подаянием.

Сергиева обитель продолжала быть беднейшей. Часто не хватало и необходимого: вина для совершения литургии, воска для свечей, масла лампадного... Литургию иногда откладывали. Вместо свечей — лучины. Нередко не было ни горсти муки, ни хлеба, ни соли, не говоря уже о приправах — масле и т. п.

В один из приступов нужды в обители нашлись недовольные. Поголодали два дня — зароптали.

— Вот, — сказал преподобному инок от лица всех, — мы смотрели на тебя и слушались, а теперь приходится умирать с голоду, потому что ты запрещаешь нам выходить в мир просить милостыни. Потерпим еще сутки, а завтра все уйдем отсюда и больше не возвратимся: мы не в силах выносить такую скудость, столь гнилые хлебы.

Сергий обратился к братии с увещанием. Но не успел он его кончить, как послышался стук в монастырские ворота; привратник увидел в окошечко, что привезли много хлеба. Он сам был очень голоден, но все же побежал к Сергию.

— Отче, привезли много хлебов, благослови принять. Вот, по твоим святым молитвам, они у ворот.

Сергий благословил, и в монастырские ворота въехало несколько повозок, нагруженных испеченным хлебом, рыбою и разной снедью. Сергий порадовался, сказал:

— Ну вот, вы алчущие, накормите кормильцев наших, позовите их разделить с нами общую трапезу.

Приказал ударить в било, всем идти в церковь, отслужить благодарственный молебен. И лишь после молебна благословил сесть за трапезу. Хлебы оказались теплы, мягки, точно только что из печи.

Троице-Сергиева лавра. Лисснер Э.

Монастырь не нуждался уже теперь, как прежде. А Сергей был все так же прост — беден, нищ и равнодушен к благам, как остался и до самой смерти. Ни власть, ни разные «отличия» его вообще не занимали. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника великорусского. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и не сравнимое ни с чем благоухание России. Все — возведенное к предельной легкости, чистоте.

Многие приходили издали, чтобы только взглянуть на преподобного. Это время, когда «старичка» слышно на всю Россию, когда сближается он с митр. Алексием, улаживает распри, совершает грандиозную миссию по распространению монастырей.

Преподобный хотел более строгого порядка, приближавшего к первохристианской общине. Все равны и все бедны одинаково. Ни у кого ничего нет. Монастырь живет общиной.

Деятельность Сергея нововведение расширяло и усложняло.

Нужно было строить новые здания — трапезную, хлебопекарню, кладовые, амбары, вести хозяйство и т. п.

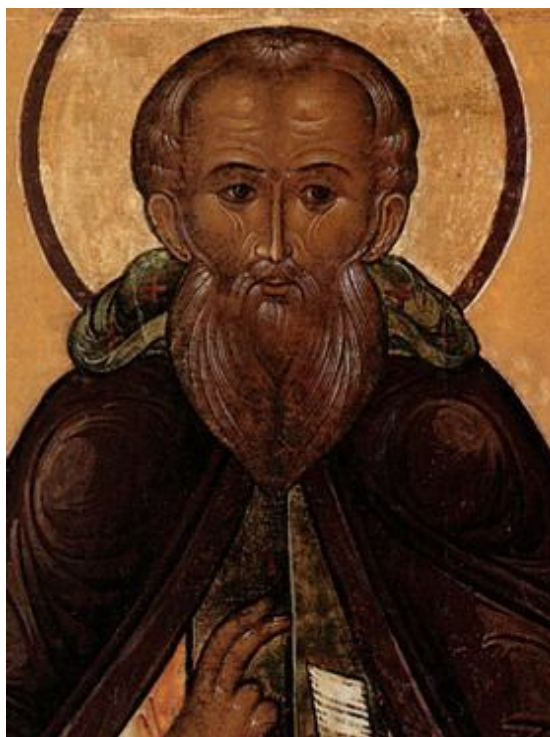
Прежде руководство его было только духовным — иноки шли к нему как духовнику, на исповедь, за поддержкой и наставлением.

Все способные к труду должны были трудиться. Частная собственность строго воспрещена.

Чтобы управлять усложнившейся общиной, Сергей избрал себе помощников и распределил между ними обязанности.

Первым лицом после игумена считался келарь. Эта должность впервые учреждена в русских монастырях пр. Феодосией Печерским. Келарь заведовал казной, благочинием и хозяйством — не только внутри монастыря. Когда появились вотчины, он ведал и их жизнью. Правил и судебные дела.

Уже при Сергии, по-видимому, было собственное хлебопашество — вокруг монастыря являются пахотные поля, частью обрабатываются они монахами, частью наемными крестьянами, частью — желающими поработать на монастырь. Так что у келаря забот немало.

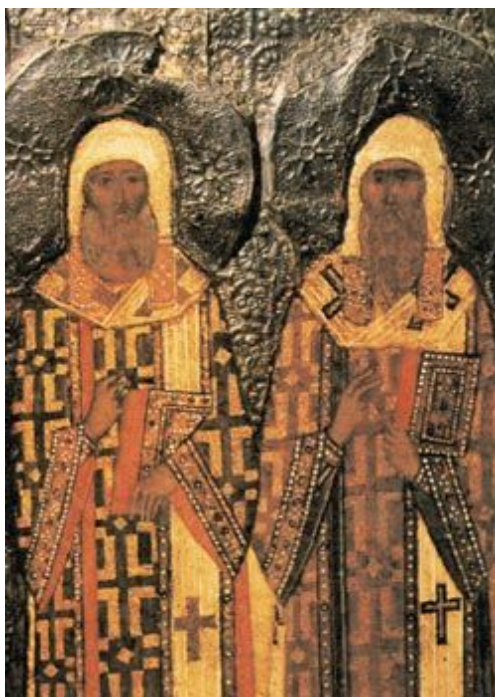

Преподобный Савва Сторожевский

Одним из первых келарей Лавры был преп. Никон, позже игумен.

В духовники назначали опытнейшего в духовной жизни. Он — исповедник братии. [Савва Сторожевский](#), основатель монастыря под Звенигородом, был из первых духовников. Позже эту должность получил Епифаний, биограф Сергия. За порядком в церкви наблюдал экклезиарх. Меньшие должности: параэкклезиарх — содержал в чистоте церковь, канонарх — вел «клиросное послушание» и хранил Богослужebные книги.

Так жили и трудились в монастыре Сергия, теперь уже прославленном, с проложенными к нему дорогами, где можно было и остановиться, и пробыть некоторое время — простым ли людям, или князю.

Митрополиты Московские Петр и Алексий. Изображение на иконе

Два митрополита, оба замечательные, наполняют век: Петр и Алексий. Игумен ратский Петр, волынец родом, первый митрополит русский, основавший на севере — сначала во Владимире, потом в Москве. Петр первый благословил Москву. За нее, в сущности, положил всю жизнь. Это он ездит в Орду, добывает от Узбека охранительную грамоту для духовенства, непрерывно помогает Князю.

Митрополит Алексий — из сановного, старинного боярства города Чернигова. Отцы его и деды разделяли с князем труд по управлению и обороне государства. На иконах их изображают рядом: Петр, Алексий, в белых клобуках, потемневшие от времени лица, узкие и длинные, седые бороды... Два неустанных созидателя и труженика, два «заступника» и «покровителя» Москвы.

Пр. Сергей при Петре был еще мальчиком, с Алексием он прожил много лет в согласии и дружбе. Но св. Сергей был пустынный и «молитвенник», любитель леса, тишины — его жизненный путь иной. Ему ли, с детства — отошедшему от злобы мира сего, жить при дворе, в Москве, властвовать, иногда вести интриги, назначать, смещать, грозить!

Митрополит Алексий часто приезжает в его Лавру — может быть, и отдохнуть с тихим человеком — от борьбы, волнений и политики.

Преподобный Сергей вышел в жизнь, когда татарщина уже надламывалась. Времена Батыя, разорения Владимира, Киева, битва при Сити — все далеко. Идут два процесса, разлагается Орда, крепнет молодое русское государство. Орда дробится, Русь объединяется. В Орде несколько соперников, борющихся за власть. Они друг друга режут, отлагаются, уходят, ослабляя силу целого. В России, наоборот,— восхождение.

В Орде между тем выдвинулся Мамай, стал ханом. Собрал всю волжскую Орду, нанял хивинцев, ясов и буртасов, сговорился с генуэзцами, литовским князем Ягелло — летом заложил свой стан в устье реки Воронежа. Поджидал Ягелло. Время для Дмитрия опасное.

До сих пор Сергей был тихим отшельником, плотником, скромным игуменом и воспитателем, святым. Теперь стоял пред трудным делом: благословения на кровь. Благословил бы на войну, даже национальную, Христос?

Преподобный Сергей благословляет Д. Донского. Кившенко А.Д.

18 августа Дмитрий с князем Серпуховским Владимиром, князьями других областей и воеводами приехал в Лавру. Вероятно, это было и торжественно, и глубоко серьезно: Русь

вправду собралась. Москва, Владимир, Суздаль, Серпухов, Ростов, Нижний Новгород, Белозерск, Муром, Псков с Андреем Ольгердовичем — впервые двинуты такие силы. Тронулись не зря. Все это понимали.

Начался молебен. Во время службы прибывали вестники — война и в Лавру шла,— докладывали о движении врага, предупреждали торопиться. Сергей упросил Дмитрия остаться к трапезе. Здесь он сказал ему:

— Еще не пришло время тебе самому носить венец победы с вечным сном; но многим, без числа, сотрудникам твоим плетутся венки мученические.

После трапезы преподобный благословил князя и всю свиту, окропил св. водой.

— Иди, не бойся. Бог тебе поможет.

И, наклонившись, на ухо ему шепнул: «Ты победишь».

Есть величавое, с трагическим оттенком — в том, что помощниками князю Сергей дал двух монахов-схимников: Пересвета и Ослябю. Воинами были они в миру и на татар пошли без шлемов, панцирей — в образе схимы, с белыми крестами на монашеской одежде. Очевидно, это придавало войску Дмитрия священно-крестоносный облик.

20-го Дмитрий был уже в Коломне. 26—27-го русские перешли Оку, рязанскою землею наступали к Дону. 6-го сентября его достигли. И заколебались. Ждать ли татар, переправляться ли?

Старшие, опытные воеводы предлагали: здесь повременить. Мамай силен, с ним и Литва, и князь Олег Рязанский.

Дмитрий, вопреки советам, перешел через Дон. Назад путь был отрезан, значит, все вперед, победа или смерть.

Сергей в эти дни тоже был в подъеме высочайшем. И вовремя послал вдогонку князю грамоту: «Иди, господин, иди вперед, Бог и Св. Троица помогут!»

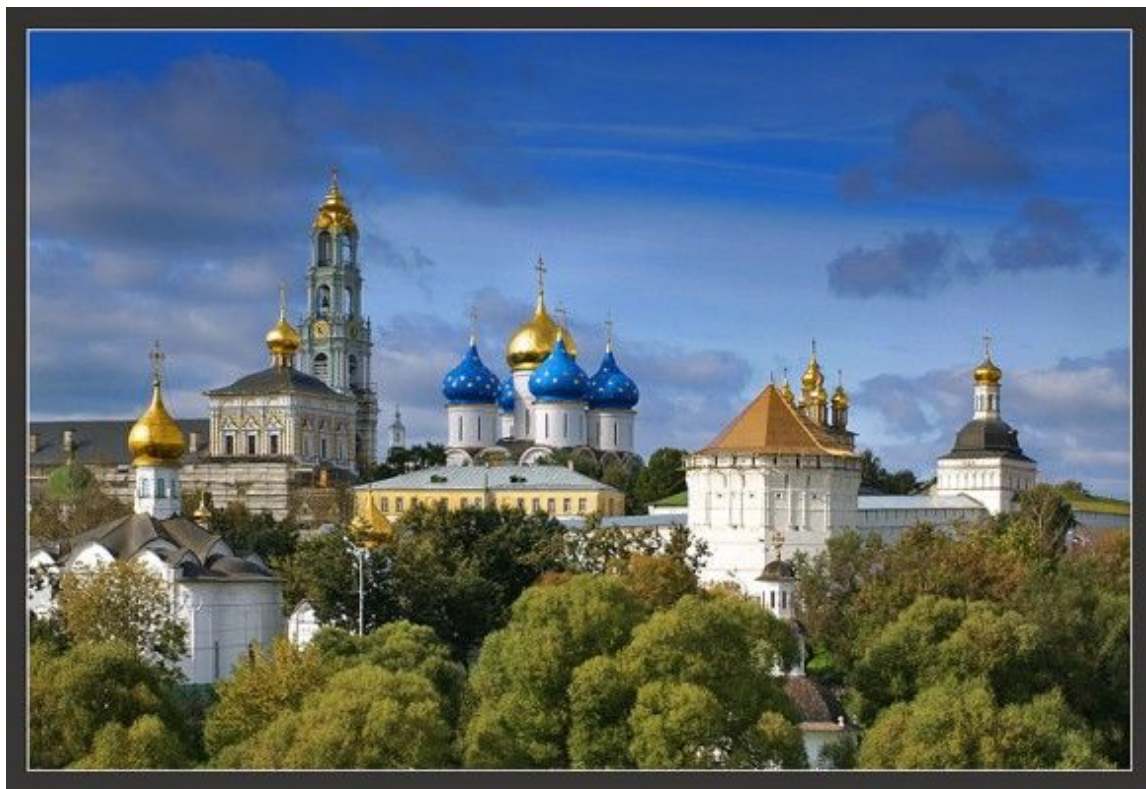
8-е сентября 1380 года!

По преданию, на зов татарского богатыря выскакал Пересвет, давно готовый к смерти, и, схватившись с Челубеем, поразив его, сам пал. Началась общая битва, на гигантском по тем временам фронте в десять верст. Сергей правильно сказал: «Многим плетутся венки мученические». Их было сплетено немало.

Преподобный же в эти часы молился с братией у себя в

церкви. Он говорил о ходе боя. Называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: «Мы победили». Преп. Сергей скончался 25 сентября 1392 г.

Сергий пришел на свою Маковицу скромным и безвестным юношей Варфоломеем, а ушел прославленным старцем. До преподобного на Маковице был лес, вблизи — источник, да медведи жили в дебрях по соседству. А когда он умер, место резко выделялось из лесов и из России. На Маковице стоял монастырь — Троице-Сергиева лавра, одна из четырех лавр нашей родины. Вокруг расчистились леса, поля явились, ржи, овсы, деревни. Еще при Сергии глухой пригорок в лесах Радонежа стал светло-притягательным для тысяч. Сергей основал не только свой монастырь и не из него одного действовал. Бесчисленны обители, возникшие по его благословию, основанные его учениками — и проникнутые духом его.

Троице-Сергиева лавра.

Итак, юноша Варфоломей, удалившись в леса на «Маковицу», оказался создателем монастыря, затем монастырей, затем вообще монашества в огромнейшей стране.

Не оставив по себе писаний, Сергей будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим — немой укор. Безмолвно Сергей учит

самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере.